

ПУТЕВОДНЫЕ ЗВЕЗДЫ

*Секреты навигации
мореплавателей островов
Тихого океана*

по материалам путешествий Дэвида Льюиса

ПУТЕВОДНЫЕ ЗВЕЗДЫ

*Секреты навигации
мореплавателей островов
Тихого океана*

по материалам путешествий Дэвида Льюиса

ББК 39.471.4

УДК 52

Л-91

Дэвид Льюис

Л-91

Путеводные звезды. Секреты навигации мореплавателей островов Тихого океана. По материалам путешествий Д. Льюиса / М.:ИД «Моя Планета», 2014. – 232.

ISBN 978-5-905445-11-8

Когда речь заходит о стихии, нам есть чему поучиться у тех, кто всю свою жизнь проводит в непосредственной близости с ней. Дэвид Льюис, знаменитый ученый, путешественник и писатель, описал потрясающие познание современного человека древние навигационные методы, которые по сей день применяют коренные жители тихоокеанских островов. Ориентируясь лишь по звездам, волнам и полету птиц, эти отважные мореплаватели-первооткрыватели благополучно приводят свои лодки к берегам крошечных участков суши, разбросанных в океане.

ББК 39.471.4

УДК 52

ISBN 978-5-905445-11-8

© Издание на русском языке ИД «Моя Планета» 2014.

Все авторские и издательские права защищены. Без предварительного разрешения издательства запрещено полное и частичное воспроизведение материала, содержащегося в данной книге, передача и использование его в любой форме и любым способом: графическим, электронным или механическим, включая фотокопирование, аудио- и видеозапись, и другие формы хранения и передачи информации.

Предисловие

Долгое время вопрос о том, каким образом полинезийцы преодолевали огромные океанские пространства, оставался неразрешённым. Большинство европейских исследователей считали, что для столь дальних походов, требовавших немалых познаний в области навигации, навыки судовождения полинезийцев были слишком примитивны, а их лодки слишком уязвимы и недостаточно мореходны. Тем, кто пытался опровергнуть эту точку зрения, не хватало информации ни о каное, ни о точности навигационной системы островитян.

Настоящий прорыв в этом направлении совершил Дэвид Льюис. Известный мореплаватель родился в 1917 году в Плимуте, но его детство, подростковые годы и юность прошли в Новой Зеландии и на Раротонга. В Англию Льюис вернулся в 1938 году, где получил медицинское образование. В годы Второй мировой войны служил врачом в Британской армии, а после, в течение 18 лет, работал врачом в Лондоне. Но его всегда манило море, с детства Дэвид мечтал совершить кругосветное плавание. Будучи практикующим врачом, он трижды участвовал в трансатлантических гонках. В возрасте 45 лет Льюис оставил врачебную практику, построил яхту, и в 1965 году вместе со своей женой и двумя маленькими детьми ушел на ней в первое в мире кругосветное плавание, совершенное на борту катамарана. Во время этого похода на отрезке пути от острова Таити к Новой Зеландии он на практике проверил полинезийские легенды с их ссылками на звёзды, сезоны плаваний и погодные условия. Дэвид Льюис стал первым западным мореплавателем, пересекшим значительную часть Тихого океана без навигационных приборов, ориентируясь только по Солнцу и звездам.

В 1968 и 1969 годах Дэвид Льюис и его сын Барри в течение девяти месяцев ходили на кече «Исбьерн», изучая навигационные методы, издревле применявшиеся жителями островов западной части Тихого океана. Впоследствии Льюис предпринял обширное исследование традиционных методов навигации у полинезийцев, изучая книги и собирая устные предания. Ему удалось отыскать несколько стариков-островитян, которые ещё помнили древние приёмы навигации. Результаты исследования были ошеломляющими: навигационные методы мореплавателей островов Тихого океана позволяли им совершать рейсы высокой степени сложности, открывать новые земли, возвращаться домой, а затем снова находить в океане открытые ими острова. Оставалось доказать это экспериментально.

В 1976 году Дэвид Льюис принял участие в экспедиции организованной Обществом полинезийских путешествий -

беспримерном рейсе от Гавайских островов до Таити на огромном двойном каное «Хокуле'а». Маршрут в 2500 миль был пройден без применения навигационных приборов, исключительно по звездам и другим традиционным ориентирам мореплавателей островов Тихого океана.

Путешествия и исследования, описанные в этой книге, стали возможны благодаря гранту на изучение истории и антропологии народов Тихого океана, полученному Льюисом от Австралийского национального университета, а также научной стипендии, выданной Институтом культурных исследований центра «Восток-Запад», Гавайи, и экспедициям на Каролинские острова и острова Гилберта, организованным журналом National Geographic. Поэтому Дэвид Льюис никогда не скупился на благодарности в их адрес:

*«Всем этим долготерпеливым организациям я приношу свою самую искреннюю благодарность. Особо признателен я ныне покойному профессору Джей. У. Давидсону, профессору Роберту Кисингу, профессору Дереку Фриману и Гарри Моду из Австралийского национального университета, доктору Клейниджанс, президенту центра «Восток-Запад», доктору Вернеру Бикли, директору Института культурных исследований, кроме того, Биллу Гарретту, Джо Джадж и Биллу Куртсингеру «Акулий укус» из журнала National Geographic. Слова искренней благодарности – издательствам University Press of Hawaii и Australian National University Press за разрешение воспроизвести диаграммы, которые были приведены в моей книге «We, The Navigators», а также сотрудникам редакции журнала National Geographic за карту навигационных маршрутов. Отдельно выражаю сердечную благодарность фотографам за каждую фотоиллюстрацию. В моей книге «We, The Navigators» я уже выразил признательность огромному числу людей, помогавших мне и Барри на островах, и компаниям, великолепно оборудовавшим «Исберн», хотел бы поблагодарить каждого из них еще раз. Жизненно важная роль, которую сыграл Барри Льюис в этом проекте, понятна без слов.»**

Теперь наука имеет в своём распоряжении неопровержимые факты, доказывающие, что традиционные навигационные знания полинезийцев позволяли им совершать тысячемильные плавания. Для разгадки тайн мореплавателей островов Тихого океана потребовались десятилетия интенсивных исследований, и лишь объединение усилий ученых разных стран и областей знания позволило найти правильные ответы и разрешить загадки Полинезии.

* Дэвид Льюис «The Voyaging Stars», Secrets of the Pacific Island Navigators, Collins, London, 1978.

Содержание

Пролог	6
1. В поисках мореплавателей	16
2. Теваке, Птица Фазтон	33
3. Появление человека в Океании	53
4. «Секреты, известные только мне и дьяволу»	75
5. Большие каноэ	92
6. Каменное каноэ	121
7. Мореплаватели на все времена	148
8. Хипур идет древним морским путем	175
9. Возрождение дальнего плавания	193
Список используемой литературы	221
Алфавитный указатель	223

© ИД «Моя планета»

Пролог

Старый мореплаватель Теваке был сед, весь покрыт морщинами и татуировками, а проколотые и вытянутые мочки его ушей свисали почти до плеч. Но никогда ранее не встречал я столь одухотворенного лица, столь твердого и бесстрашного взгляда. В дальнейшем еще не раз доводилось встречать подобный взгляд у других опытных мореплавателей, он характерен для людей, посвятивших себя морю. Однако ни у кого из них не было такого прямого и пронизательного взора, как у Теваке.

На моем тридцатилетнем гафельном кече «Исбьерн» мы шли по тяжелой попутной волне к юго-западу от полинезийского острова Таумако (Taumako) из тихоокеанской островной группы Санта-Крус. Не менее 15 человек, включая сонных детей, хнычущих младенцев и новоявленную невесту, недавно купленную за «перьевые деньги», занимали каждый квадратный фут каюты. Пассажиры везли с собой циновки, корзинки с *тало* (*talo*), пудингами из плодов хлебного дерева и орехами *ньяли* (*nyali*), сахарный тростник, кокосовые орехи и визжавшего поросенка. Подобную картину, вероятно, можно было наблюдать и в древней Полинезии.

Шел 1969 год, но мы пытались в реальности возродить полинезийское прошлое. В ящики под палубой были убраны компас, секстан, карты и наши часы. Навигацию во время 120-мильного кругового плавания между далекими рифовыми островами Санта-Крус и еще более изолированным островом Таумако Теваке осуществлял без помощи приборов, полагаясь исключительно на свои знания, чувства и опыт. Этот рейс был организован с целью понять, как предки Теваке умудрялись находить путь в огромном Тихом океане, расселяясь по его островам.

Два дня назад мы пришли на Таумако, ориентируясь по его путеводной звезде, Бетельгейзе из созвездия Ориона, находящейся в северной оконечности полинезийского созвездия Большой

Старый навигатор Теваке с островов Риф группы Санта-Крус управляет «Исберном» на переходе между коралловыми рифами лагуны острова Нуфилоле. Его племянники (Бонжи справа), забравшись на такелаж, отслеживают подводные опасности

Птицы, головой которой является Сириус, а нижней оконечностью – Канопус. Наш груз включал 30-фунтовые мотки «особых денег» – троса ручной работы из кокосовых очесок толщиной 2 дюйма, украшенного плюмажами бесчисленных несчастных птиц, чье оперение использовалось в качестве местных расчетных средств. Они предназначались для того, чтобы купить сыну Теваке жену на Таумако.

Деревня стояла на искусственном острове, окруженном прибрежным коралловым рифом. Как только 150-футовый рыбацкий якорь на своей двухдюймовой цепи с грохотом ушел под воду, вокруг нас собрались примчавшиеся от берега каноэ. Улыбающиеся люди взобрались на борт, и группки мальчишек повисли на такелаже, словно летучие мыши. Стояла высокая вода. Оставив «Исбьерн» на якоре, мы прошли над рифом в одном из маленьких долбленых каноэ с острова в полупогруженном состоянии. И пролетели на гребне волны добрых полмили, крича от восторга, до самой деревенской набережной. В лагуне, стоя по пояс в воде, какой-то человек охотился на рыбу с луком и стрелами.

Подарки – черный и липкий табак и школьные тетради, листы которых высоко ценятся в качестве основы для сигарет-самокруток – жители деревни приняли с благосклонностью. В нашу честь был исполнен «особый танец», во время которого мы с моим сыном Барри сидели на бревне рядом с англиканским священником с Соломоновых островов. Ему я подарил небольшую бутылку джина.

«Пиво хорошо для мальчиков, – сказал священник с чувством, пока раскрашенные танцоры топали и извивались в кругу под барабанные удары по перевернутому каноэ, – но мужской напиток – это джин».

Я заметил, что почти у каждой женщины и девушки на правой груди было вытатуировано ее имя. Весьма полезно, чтобы не забыть, как величают ту, с кем знакомишься, – наподобие маленьких визитных карточек, которые люди берут с собой на различные встречи, однако более долговечные. Хотя дерзкая надпись «Саломея» на иссохшей груди одной из старушек смотрелась как-то неловко.

Вечером мы с Барри, возвращаясь на «Исбьерн», прошли над рифом на веслах по низкой воде. Каноэ обходило кусачих морских змей, скользивших среди коралловых рифов в отблесках факелов, изготовленных из сухих побегов кокосовых пальм, которые

держали наши сопровождающие. Пока мы карабкались на борт *вака (vaka)*, каное-аутриггер было приведено в равновесие. Гребцы оттолкнулись от борта и, напрягая мускулы, направили свой челн к фосфоресцирующей полосе прибоя. Каное взбиралось на волну так круто, что его нос с первым гребцом временами зависал между небом и морем.

Утром в день нашего отхода каное начали подходить к борту задолго до рассвета. Среди пассажиров выделялась сосватанная недешево невеста, казавшаяся сплошным разочарованием – толстая, флегматичная и явно не привлекательная на фоне стройных и симпатичных девушек с Таумако. Я только предположил, что ее приобретали на вес (но, вероятно, женитьба была как-то привязана к сделке с землей). При подъеме грота и съемке с якоря на палубе скопилось так много народа, что я в первый момент не заметил отсутствия человека на руле. «*Исбьерн*» набирал ход в направлении острых, как бритва, кораллов.

«*Те хоу* – рулевое весло!» – отчаянно закричал я, а один из матросов, племянников Теваке, прыгнул к рулю и круто переложил его на противоположный борт. Лишь позже я узнал, что на полинезийском диалекте острова Таумако нужно было сказать «*те фоу*», но мой крик поняли все-таки правильно.

Когда мы отошли от Таумако, было еще темно, звезды пока не растаяли, а тяжелые облака не закрыли небо. В течение всего нашего плавания ни один лучик не пробился сквозь облачную завесу солнца! Затем с севера налетел шквал, вынудив установить штормовое ограждение, и омыл «*Исбьерн*» тропическим ливнем. Ветер, зашедший с юго-востока на север, менялся на северо-восточный, восточный-северо-восточный и, наконец, опять пришел на юго-восток. Мое умение ориентироваться в море с приходом шквала исчезло. При каждой следующей смене ветра я терял направление.

Все это время Теваке, не давая себе ни минуты передышки, неотступно стоял на фордеке, широко расставив ноги. Он укрывался от дождя пальмовым листом *лолон (lolop)*, как *зонтом*, а иногда – полиэтиленовой скатертью в розах, и насквозь промокшая набедренная повязка *лава лава (lava lava)* хлестала его по ногам. Теваке сосредоточенно наблюдал за морем, не обращая внимания на холод и усталость, лишь изредка подавая сигналы рулевому.

Он вел судно определенным курсом, удерживая строго по корме какой-то один вид приходящей с востока-северо-востока волновой зыби, совершенно не различаемой мной из-за крутых обрушивающихся волн, нагоняемых шквалом.

«Это *хоахуаделе тау (hoahuadele tai)*, морская волна, – пояснил Теваке. – Видишь, как она поднимает корму каноэ, не заваливая его на борт. Ее выжидаешь долго, может быть, минут десять. Она не постоянна».

Казалось невероятным, что человек может находить путь в открытых пространствах Тихого океана с помощью небольшой волны, которая возникла, возможно, за тысячи миль под действием северо-восточных пассатов выше экватора. Однако примерно в два часа пополудни что-то более плотное, чем дымка, замаячило во мгле слева по курсу, милях в двух от нашей лодки.

«Остров Ломлом (Lomlom)», – с довольным видом сказал Теваке. Вскоре он указал на второй остров – Фенуалоа (Fenualoa), появившийся справа. Пройдя 45-48 миль без единого проблеска чистого неба, он вышел точно на проход шириной полмили между двумя островами.

Я кое-что знал о сложностях навигации, так как в одиночку пересек три раза Атлантику и стал первым, кто совершил кругосветное плавание на катамаране, пробившись через штормовой Магелланов пролив. Однако этот пример судовождения Теваке являл собой мастерство, намного превосходящее мое собственное. Без единой ошибки он прошел жесткую проверку на умение вывести плавсредство в заданную точку в особо сложных условиях, применяя исключительно науку, унаследованную от предков.

Не имея письменных инструкций и каких-либо навигационных приборов, ведомые только своими ощущениями и здравым разумом, древние полинезийцы и их собратья из Микронезии странствовали по району, превышающему территорию Советского Союза и Китая, вместе взятых. Годами ученые спорят, была ли эта огромная часть океана заселена, в основном, случайно потерпевшими кораблекрушение и вынесенными ветром к берегу моряками, растерянными и слепо блуждавшими по морю людьми, либо главным образом (без учета возможного непредвиденного сноса судна) – с помощью искусства навигации высшего класса.

Теперь у меня нет никаких сомнений. Во всей Океании я наблюдал почти идентичные приемы судовождения, что подтверждает наличие огромного опыта плаваний, накопленного в течение примерно четырех тысяч лет.

Вероятно, ключ к осознанию самого существования суши, а затем и направления к ней, изначально подавали обитающие там птицы, из года в год совершавшие свои перелеты. Среди них были длиннохвостые кукушки, каждый сентябрь летящие с Таити в Новую Зеландию, и золотистые ржанки, мигрирующие с Таити на Гавайи; полинезийцы пошли и по первому и по второму пути. И только в последнюю очередь новые открытия были сделаны благодаря силе духа и удаче. Как только первооткрыватель успешно возвращался домой, всем друзьям и соседям передавались сведения об основном направлении движения волн и осредненные – о течении.

Случайный снос судна, изгнание провинившихся жителей на далекие острова, в неизвестность, без права возврата в поселение, тщательно продуманное предприятие – подобные события, конечно же, содействовали миграции полинезийцев. А как это вписывается в общую схему?

Полинезийские и микронезийские морские суда, безусловно, могли совершать большие переходы. По словам капитана Кука, они были «приспособлены для дальней навигации».

Родоначальники полинезийцев и микронезийцев, в 1500 годах до н.э. отважно выходивших в Тихий океан за пределы омывающих острова Юго-Восточной Азии морей, уже тогда наследовали древние традиции мореплавания. Они говорили на австронезийских языках (см. гл. 3, с. 55) и владели мореходными парусными судами, которые постоянно улучшались и совершенствовались в течение двух тысячелетий, с тех пор как человек изобрел парус. Их традиции судостроения брали начало в неолите, когда изобретенные для обработки дерева инструменты позволили выстругивать доски, соединявшиеся в край точно так же, как и в более ранние времена сшивались кожи и шкуры, а затем их крепили к стойкам или рамам (шпангоутам).

Скорее всего, во времена капитана Кука эти суда строились по своим основным характеристикам практически такими, как и раньше. Показательно, что поперечные сечения и подводные части морских каноэ на Тонга и Таити – двух далеко отстоящих

друг от друга островных групп – были идентичны. Некоторые таитянские каноэ-катамараны длиной превосходили «Эндевор» Кука, но большинство тихоокеанских морских судов достигали в длину примерно 60 футов, имели V-образный корпус, набранный из широких со шпангоутами досок, скрепленных между собой плетеным тросом и проконопаченных соком хлебного дерева. Их остойчивость, в отличие от западных судов, поддерживалась за счет того, что их делали двухкорпусными или с помощью аутригера. При строительстве использовали топоры из базальта или створок раковин и дрели из акульных зубов или ракушек. Под парусами из плетеных циновок такое судно за день могло пройти добрую сотню миль в открытом море.

Учитывая известные полинезийские способы длительного хранения пищи (например, вяление бананов, таро и рыбы, заквашивание плодов хлебного дерева), преодоление дистанций в четыре тысячи миль было вполне реальным для этих больших каноэ, вполне приемлемых для исследовательских походов на восток. (Конечно, мы говорим о морских судах. В Океании плавало множество прибрежных долбленых лодок рыбаков, каркасных гребных каноэ и даже плотов. И каждый тип таких плавсредств имел свое предназначение и внес свой вклад в увеличение отряда унесенных штормом и выброшенных на чужой берег бедолаг).

Классические полинезийские суда – каноэ-катамараны и каноэ с аутригером – меняли направление при встречных ветрах, следуя разными галсами, как и западные парусники. Микронезийцы (а также полинезийцы островов Туамоту и ряда западных островных групп) для этого меняли курс, перенося парус и рулевое весло с одной оконечности каноэ на другую. Соответственно их суда имели симметричные образования носа и кормы, которые были идентичны и взаимозаменяемы. Одна из оконечностей судна всегда держалась против ветра.

Как сами аутригеры, так и способ изменения направлений с помощью смены приведенных к ветру оконечностей судна, похоже, берут начало в регионе Индонезии. Они распространились не только на востоке в Тихом океане, но и на западе, по Индийскому океану вплоть до Мадагаскара. Судно-аутригер, явно индонезийского происхождения, упоминается римлянином Страбо (Strabo) в 23 году н.э., а пятьюдесятью годами позже бывший военно-морской

офицер Плиний сделал запись о «меняющихся оконечности» судах из того же региона.

Хотя я сам и новозеландец, но наиболее памятные годы моего детства я провел на острове Раротонга – «Таити в миниатюре». В те времена на Раротонге существовали отдельные школы для маори и европейцев, и я буду вечно благодарен своим родителям за то, что они отдали меня в одну из первых деревенских школ, *титекавека* (*titekaveka*). Больные белые ребятишки должны были носить рубашки, ботинки и носки, а иногда даже тропический шлем от солнца, в то время как мы, одетые только в шорты или парео, с удовольствием купали свои ступни в теплой придорожной пыли.

Нашим любимым местом для игр был риф, где мы охотились на желтополосых змей и ныряли за ракушками *аре́ре* (*arere*). Надо признать, что мальчишки почти всегда хромали из-за порезов от кораллов и укусов игл морских ежей. Лунными ночами, укрывшись в кустарнике, мы исподтишка подглядывали, как молчаливые мужчины незаконно травили рыбу в лагуне размолотыми плодами *уту* (*utu*), и также тайно из-под пальм наблюдали за танцем *хулу* (*hulu*) – его пикантные движения таинственным образом волновали даже невинных мальчишек.

Мое образование с академической точки зрения оставляло желать лучшего. При этом я догадывался об ошибочности утверждения нашего учителя с острова Ниуэ (Niue), что 42 и 24 – одно и то же число. Но многое из того, что я узнал, было бесценно. Например, древние сказания о морских походах, которые я зачарованно слушал, повествовавшие моему отцу нашим кузеном Туму Кореро (Tumu Korero), Хранителем Знаний Племена (Чарльз Кован – Charles Cowan). Туму Кореро рассказывал о легендарных героях, таких как Купе (Kupe), предполагаемом первооткрывателе Новой Зеландии, и других мореплавателей.

«*Ко Кура-хау-но*»

«*Хевакауруукапуа*» – «Дай мне каноэ, на котором я осмелюсь дойти до райских облаков» – звучала *каракиа*, или молитва, капитана большого каноэ «*Кура-хау-но*» перед тем, как он вел его по океану через две тысячи миль по следам легендарного Купе. Такие традиции, скорее, являются поэтическим отражением древних реалий, чем фактической историей, однако люди, подобные Купе, существовали в самом деле. Они действительно «осмеливались

идти до райских облаков», и их вклад в историю мореплавания был значительным.

Через много лет мечты об океанском плавании заставили меня отказаться от респектабельной жизни практикующего врача в Англии. Теперь, будучи моряком, я смог оценить истинную роль этих позабытых полинезийских мореплавателей в освоении океана, занимающего более одной трети земной поверхности. Я увидел героев моего отрочества по-новому и твердо решил обнаружить все, что еще возможно узнать об их древнем искусстве.

В 1965 году, вооруженный знаниями, почерпнутыми из книг первых европейских исследователей и миссионеров, я вознамерился пройти традиционным (и подтвержденным археологами) путем миграции полинезийцев с архипелага Таити в Новую Зеландию, самую южную землю Полинезийского треугольника, через Раротонга.

«Иди немного левее точки захода солнца в ноябре» – таково легендарное указание Купе. Совершая переход на катамаране «*Реху Моана*» (*Rehu Moana*) – «Океанские брызги» на языке маори – мы придерживались его рекомендаций¹. Осуществляя навигацию без помощи приборов, мы удерживали курс ночью по заходящим на юго-западе звездам, а для определения направления днем использовали солнце и волнение, как это делал бы Купе. Так, проведя в море 35 дней, мы от Раротонга дошли до Новой Зеландии с ошибкой по широте всего в 26 миль. Вот таким образом старинные методы навигации доказали свою состоятельность.

Но самый большой сюрприз ждал нас впереди. Через несколько месяцев после плавания в Новую Зеландию мы зашли на «*Реху Моана*» в Тонга. Однажды вечером, беседуя с капитаном тендера, которого звали Калони Киенга (*Kaloni Kienga*), я спросил его совета, как лучше пересечь этот покрытый рифами архипелаг.

«Удерживайте на курсе эту звезду, – сказал он, указывая на звезду в созвездии Льва. – Когда она поднимется слишком высоко и уйдет далеко влево, держите курс на следующую звезду, которая взойдет в той же точке на горизонте. Потом на следующую, и следующую, и так далее до рассвета. Это мы называем *кавеинга* (*kaveinga*), звездный путь».

¹ Дэвид Льюис. «*Daughter of the Wind*», Gollancz, London; Reed, Wellington; 1967.

Я был потрясен. То, что считалось давно утраченным знанием, излагалось со всеми необходимыми для практического применения подробностями. Уходящее вглубь тысячелетий искусство полинезийской навигации все еще было живо!

Калони продолжал движениями рук обрисовывать форму волн, которые должны повстречаться нам в море. «На пути отсюда до Номука (Nomuika) действуют три вида волнения. Определяя, на каком волнении вы находитесь, можно узнать, сколько прошло ваше судно даже самой темной ночью. Этому меня научил мой отец».

Если Калони все еще знал и применял это вековое искусство, то, безусловно, этой информацией обладали и другие жители островов, чьи профессиональные знания необходимо записать и сохранить.

В результате последовавших переговоров Австралийский национальный университет предоставил мне исследовательский грант. И вместе с Барри, моим способным старшим помощником и механиком, я начал поиски живущих в наши дни тихоокеанских мореплавателей, чтобы совершить с ними совместное плавание. Мы надеялись, что они покажут нам свое исчезающее искусство. И новые поколения научатся, как и эти мореплаватели, читать на «крыше мореплавания» послания, каждую ночь вычерчиваемые медленно движущимися звездами, а на пустынных морских пространствах – меняющимися по форме и направлению, перекатывающимися друг за другом океанскими волнами.